

МУРЗИЛКА 11

7 НОЯБРЯ

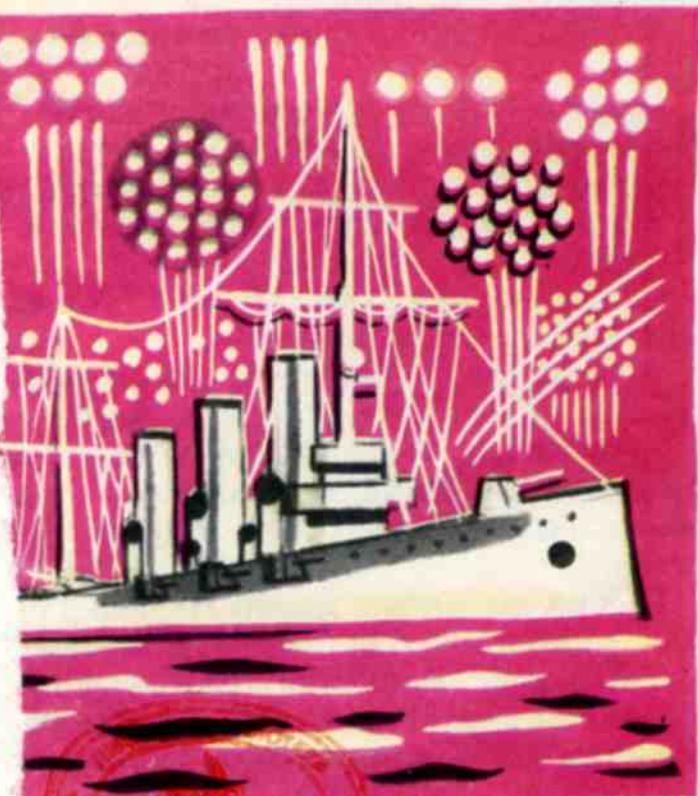

*С праздником
Великого Октября,
наши дорогие
читатели!*

**67-я ГОДОВЩИНА
ВЕЛИКОЙ
ОКтябрьской
СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ**

КАПЕЛЬКА СОЛНЦА

Стихи

Владимира СТЕПАНОВА

Музыка Г. СТРУВЕ

Ломается льдинок хрустящая кромка,
Весенний волнуется сквер.
Вчера ещё только я был октябрёнком,
Сегодня уже пионер.

ПРИПЕВ:

Горит у меня пионерский значок,
Он капелька солнца,
Весеннего солнца,
Которое Ленин зажёл.

Сегодня все птицы на улице нашей
Особенно звонко поют
И крыльями в небе мне радостно машут,
Как будто салют отдают.

ПРИПЕВ.

Открыты мне Южный и Северный полюс,
Зовёт меня звёздная высь.
Сегодня уже я чуть-чуть комсомолец,
А значит, чуть-чуть коммунист.

ПРИПЕВ:

Горит у меня пионерский значок,
Он капелька солнца,
Весеннего солнца,
Которое Ленин зажёл.

Ноты см. на стр. 32

ИНВ № 0473

ОПАСНЫЙ СУП

А. МИТЯЕВ

Случай с поваром Никитой Головым случился в ту пору, когда фашисты отступали по всему фронту. Уже отгремела знаменитая Сталинградская битва. И знаменитая Курская битва тоже. Захватчики, хотя и сопротивлялись изо всех сил, катились и катились к своей Германии. Они были всё ещё опасны, но гонор и спесь сошли с них, как шелуха с молодой картошки. В их мрачных душах поселился страх, а самым заветным желанием стало желание благополучно унести ноги восвояси.

В то время солдат Голов был поваром в дивизионе зенитных орудий. В повара он попал случайно. Его, ловкого человека, попросили до прибытия специалиста варить солдатам еду. Голов согласился. Не сидеть же артиллеристам на хлебе и воде. Но поскольку у нового кулинара к назначенному часу при любых обстоятельствах всё бывало готово, командир дивизиона оставил его в поварях.

Сначала Голов рассердился. Потом, поразмыслив, решил не возражать. Надо признаться, думал он и о том, что у кухни спокойнее, чем у орудия. Когда фашистские самолёты бомбят зенитные батареи, поливают их очередями из крупнокалиберных пулемётов, все артиллеристы на своих местах. Они, открытые бомбам и пулям, стараются сбить атакующий самолёт. А повар в такие минуты может сидеть в ровике у кухни. Ровик глубокий, узкий, опасно лишь прямое попадание бомбы, что бывает очень и очень редко.

Однако поварская должность не изменила характер Голова. Он по-прежнему был боевым солдатом. Карабин, смазанный тонким слоем веретённого масла, всегда был готов к стрельбе. В железном шкафчике кухни хранился запас патронов, в том числе бронебойных и зажигательных. Там лежал пяток гранат. Был и приличный запас тола. Впрочем, тол нужен был Голову не для подрыва чего-либо. В ненастные, дождливые дни, когда не найти сухой ветки, сухой щепки, повар разжигал толлом кухню. Тол взрывается от детонации, при взрыве специального запала, а подожжённый спичкой, горит спокойно. Оплавляясь и растекаясь по дровам, зажигает их.

Артиллеристы подсмеивались над поварским арсеналом. Ведь часто бывает, что самый трусливый человек больше других говорит о храбрости и увещивает себя различным ненужным оружием.

— Слушай, Никита! Ты не перепутай картошку с гранатами! — шутили зенитчики. А один приклеил на дерево, под которым стояла кухня, такое меню:

«Сегодня:

первое блюдо — суп картофельный с трассирующими пулями;

второе блюдо — лапшевник из бикфордова шнура».

Голов к шуткам относился спокойно. Меню ему даже понравилось. Он аккуратно отлепил его, сложил и спрятал в карман гимнастёрки — на память о фронтовых друзьях. Разливая в тот день суп по котелкам, он благодушно балагурил с артиллеристами:

— Вам что ни свари, вы всё slope! Вас фугаской жареной на вертеле не испугаешь. Но я-то знаю, чего вы боитесь. Вот оставлю как-нибудь без обеда, вы и кончите свои глупые шуточки.

Говоря эти слова, повар Никита Голов, конечно, не знал, что уже на следующий день осуществит свою угрозу. Правда, вынудят его к этому обстоятельства более значительные, чем шуточки товарищей.

Рис. В. ЛОСИНА

Утром нового дня дивизиону было приказано переместиться километров на двадцать западнее — к мосту у пересечения железной дороги с дорогой шоссейной. Мост наши стрелки отбили у фашистов ночной атакой. Фашисты бежали, не успев взорвать его. Несомненно, враг постарается разбомбить мост, тогда прервётся движение и по шоссе, и по железной дороге. На охрану такого важного объекта и посылали теперь дивизион.

Никита Голов, накормив солдат ранним завтраком, пожелал им счастливого пути, а сам с шофёром крытого грузовика остался на месте. Он должен был сварить здесь обед и доставить его к 12.00 на новые позиции. Здесь были в избытке дрова, а главное, был в овражке колодец с чистой родниковой водой.

Грузовик с кухней на прицепе выехал с обжитого места в начале двенадцатого. Ехать недалеко. Всё время по шоссе. Суп из перловых круп тряски не боится. Да и дорога нетряская, асфальт. В кухонной печке полно горячих углей, так что обед прибудет в готовности — только подставляй под черпак котелки.

Обо всём этом подумал в начале пути повар Голов. Потом он думал о том, что воевать теперь гораздо легче, чем в сорок первом году. Вот идёт справа от дороги на небольшой высоте шестёрка штурмовиков. А высоко кружит звено истребителей. Это всё наши самолёты, советские. У врага самолётов теперь меньше. Куда полетели штурмовики? Верно, увидели фашистов. Сейчас начнут бить из маленьких «катюш», что под крыльями, из пушек и пулемётов, ещё и бомбами попотчуют... Сверху лётчикам видно, что происходит на земле, где наши, а где фашисты. А вот тому, кто на земле, трудно понять, где свои, где противник. Уже месяц как фашисты — многие, многие тысячи — окружены на большом пространстве среди полей, болот и лесов. Они пытаются вырваться из кольца. Бросаются то на запад, то на юг, то на север. А наши нигде не пуска-

ют. Уничтожают, берут в плен. В самом кольце тоже идут беспощадные бои...

Солнце, стоявшее в безоблачном небе, раскалило воздух. Никиту Голова жара разморила. Встал-то он ведь очень рано, начал готовить завтрак ещё до рассвета. Глазами, которые закрывались в сладкой дреме, он смотрел на шоссе. Оно круто спускалось в низину, чтобы потом так же круто подняться на холм. Грузовик весело катил под гору. Голов представил, как захватит у него дух, когда машина, закончив спуск, вылетит на подъём, и улыбнулся — как всё же хорошо идут дела и у него, солдата-повара, и у всех солдат Советской Армии.

И только он это подумал, и только грузовик с кухней достиг нижней точки спуска, как из густых кустов ольховника, росших за обочиной, ударил очередью пулемёт. Вторая очередь простучала глуше — били вдогон.

Шофёр выжимал из мотора все силы. Грузовик словно летел в гору. Никита Голов высунулся из кабины и увидел фашистов. С автоматами, с ручными пулемётами они шеренгами выходили из кустов и бегом пересекали шоссе. Какая-то вражеская часть то ли уходила от преследования, то ли рассчитывала в этом направлении выбраться из окружения.

Влетев на вершушку холма и чуть спустившись по новому спуску, грузовик и кухня, шофёр и повар оказались в безопасности. Взгорок закрыл их от фашистских пуль.

— Стой! — сказал Голов. — Я посмотрю, что делается внизу.

Фашисты всё бежали и бежали через шоссе. Их было много. А наших — два бойца. И, как на грех, шоссе, по которому часто катили и танки, и пушки, и «катюши», и пехота в грузовиках, в эти минуты было пустынно.

Солдат Голов хорошо помнил главное военное правило: не делать такого, что понравилось бы врагу, а делать только то, что врагу не понравится. Главное военное правило в этом случае давало

совершенно определённый совет: воспретить фашистам переход через шоссе.

Сердце Никиты Голова билось тревожно и азартно. Пронеслась мысль: стрелять по фашистам из карабина. Тут же пронеслась ещё мысль: после первых выстрелов автоматчики врага побегут кустами на подъём, и придётся снова удирать, рискуя автомашиной, кухней, жизнью друга-шофёра и своей собственной жизнью. Платить такую цену за два-три удачных выстрела не было смысла.

Никита Голова ещё раз посмотрел, как фашисты валом валят через дорогу, и пошёл к своему грузовику. От кухни по жаркому воздуху распространялся аромат свиной тушёнки, смешанный с угарным запахом залитых углей. Та, вторая пулемётная очередь, посланная вдогон, изрешетила кухню. Белёсый бульон с разваренными зёрнами перловой крупы струйками стекал с днища кухни на асфальт. «Через полчаса обед. Чем ребят кормить буду?» — подумал повар. И тут он совершенно спокойно, ничуть не сомневаясь в правильности решения, открыл железный шкафчик

кухни, вставил в толовую шашку запал, зажёл спичкой бикфордов шнур и закрыл шкафчик на обе защёлки. Вдвоём с шофёром они отцепили кухню от грузовика. Напрягаясь, упираясь сапогами в мягкий асфальт, покатали её на пригорок. Затем, придавая кухне правильное направление, нацеливая её на врагов, разогнали и пустили вниз с крутой горы.

Надо было бы немедленно уезжать. Но повар хотел своими глазами видеть, как сработает его сухопутная торпеда.

— Погоди минуту, — сказал он шофёру. — Погляжу из кустов...

— Ахтунг! Ахтунг! Внимание! Внимание! — закричал немецкий ефрейтор, первым увидевший опасность. — Цурюк! Назад!

— Вас ист лёс? Вас ист дас! Что случилось? Что это такое? — спрашивали друг друга фашисты, отпрянув с шоссе на обочину.

Кухня с ветром пронеслась перед их оторопелой толпой. Миновав нижнюю точку спуска, она, повинаясь инерции, покатила вверх.

— Дас ист фельдкюхе! Это полевая

кухня! — закричали наперебой автоматчики. Оправившись от испуга, они захохотали, закачались от смеха. Было в том смехе не веселье, был страх.

Фашисты теперь уже не шеренгами, а в беспорядке снова побежали через шоссе. А кухня остановилась на крутом подъёме, какое-то мгновение постояла там, словно раздумывая, и пошла вниз. Спускалась она медленно, опустившееся дышло чертило асфальт, тормозило движение.

«Неужели остановится?» — подумал Никита Голов и пожалел, что бикфордов шнур оказался слишком длинный. Был бы покороче, кухня взорвалась бы в самый подходящий момент.

Она всё же доехала до самой нижней точки спуска. Остановилась на самом ходу. Фашисты обегали её, как островок. Но вот один, привлечённый запахом съестного, взобрался на кухню, открыл крышку котла, зачерпнул котелком суп. И тут, не слушая окриков командира, фашисты полезли на кухню со всех сторон. Они оголодали в окружении, обросли грязными бородами и были похожи на крыс, наткнувшихся на еду.

В этот момент рванул взрыв. Он был достаточно сильный. Голов не мог определить, сколько фашистов погибло. Но в его зрительной памяти долго оставалось колесо кухни, чёрным бубликом летевшее над дорогой.

— Жми! — тревожно и весело командовал он шофёру, вскочив в кабину грузовика.

Повар не знал, что после взрыва появились на шоссе наши самоходки. Они открыли огонь по фашистам и не дали остаткам колонны перейти шоссе. Самоходчики по радио сообщили о неожиданном бое своему командованию. Вскоре над полями и лесочками, по обе стороны шоссе, пошли наши самолёты-штурмовики на бомбёжку и обстрел врага. А роты наших автоматчиков вместе с партизанами перекрыли в том районе все выходы из лесов.

Свой дивизион Голов увидел ещё издали. В стороне от решетчатого желез-

нодорожного моста, задрав в небо длинные стволы, стояли зенитные пушки. Они уже были обнесены земляными валами. И тут повар Никита Голов малость испугался. Он знал, какая это трудная работа — рыть укрытия для пушек. Чувствовал, как проголодались артиллеристы, как ждут кухню с супом и кашей. А супа нет. Каша нет. И самой кухни нет. Разумно ли он сделал, употребив кухню не по назначению?

В таком неважном настроении пошёл солдат Голов к командиру дивизиона — доложить о происшествии.

— Где кухня, Голов? — спрашивали по пути артиллеристы. — Ты что? Вправду нас без обеда оставил?

— Со мной шутки плохи, — мрачно отзывался Голов. — Я предупреждал. А поварская должность с этой минуты свободная. Хватит с меня.

От командира дивизиона Никита Голов вышел весёлый. Всё он сделал правильно. И не просто правильно. А находчиво. И ещё командир сказал, чтобы он не думал бросать поварскую работу. Во всей армии не найти другого повара, который умел бы сварить такой опасный суп. А кухню получит новую.

Обед выдавался артиллеристам в этот раз сухим пайком. Закончив раздачу хлеба и консервов, Никита Голов лёг в тени грузовика и, сморённый жарой и тревогами, заснул. Разбудил его штабной писарь. Писарь стоял у грузовика и пробовал пальцем дырки в фанерном кузове.

— Да, — сказал писарь, — если бы немец чуть раньше нажал на спусковой крючок, убил бы он вас обоих. А так очередь позади прошла... Дело вот в чём, — продолжал писарь, — приказано писать на тебя наградной лист. К награде тебя представляем. Я уже написал. Но получается как-то несерьёзно. Кто прочтёт, будет смеяться. Я сам смеялся. Может быть, другие какие обстоятельства были, серьёзные?

— Других обстоятельств не было, — ответил Голов, закрывая глаза и засыпая. — А то, что смешно, я не виноват...

АЗБУКА

здоровья

Однажды Никита спросил:

— Почему говорят «пять органов чувств»?

— Их пять, потому так и говорят, — ответила я.

Никита стал считать:

— Глаза видят, уши слышат, язык пробует, нос нюхает. Получается четыре.

— Ты назвал зрение, слух, вкус, обоняние, но забыл про осязание, про кожу. Вспомни, что узнаёшь ты с её помощью об окружающем мире.

— Иголки у кактуса колючие, чуть дотронешься и сразу руку отдёнешь.

— Да, наша кожа чутко ловит сигналы: острый, тупой, гладкий.

— Щипучий, — подсказал Никита.

— Это ты о чём? — спросила я.

— О йоде. — Никита показал царапину на руке и добавил: — Знаете, как больно было.

— В другой раз будь осторожнее. Здоровая кожа не пускает внутрь организма вредные бактерии, но если кожа повреждена — для бактерий путь открыт. Поэтому йодом ранки мазать необходимо. Йод убивает бактерии.

— Крапива жжёт так же, как йод, она тоже бактерии убивает?

— Да, крапива содержит вещества, от действия которых погибают вредные бактерии. Раньше, когда не было йода, раны лечили кашицей из крапивы.

— Выходит, всё, что щипет,件лезно? — поморщился Никита.

— Вовсе нет! Если на кожу попадёт капля щёлочи или кислоты, её немедленно нужно смыть водой. Иначе будет ожог.

— Как от горячего утюга?

— Почти. Кстати, ты упомянул ещё об одном свойстве кожи. Это чувство температуры. Она не просто её чувствует, она помогает нам избавиться от лишнего тепла и не даёт замёрзнуть. В жару на коже высту-

пает пот. Он испаряется. Становится прохладнее.

— А в холод?

— Замечал, какой становится кожа, если внезапно поднимается сильный ветер?

— «Гусиной», в пупырышках.

— Правильно, она сморщивается, стараясь сохранить в организме как можно больше тепла. У закалённых людей кожа лучше справляется с этой работой, они реже простужаются.

— Я уже целый месяц закаляюсь, — радостно сообщил Никита. — Обтираюсь по утрам влажной прохладной губкой, на ночь ноги холодной водой мою. Сначала температура была тридцать два градуса, а теперь уже двадцать восемь. Я её снижаю на один градус каждую неделю.

— Ты всё делаешь правильно. Не забывай ещё одеваться по погоде. Не кутайся, но следи, чтобы ноги всегда были сухими.

Рис. О. МОНИНОЙ

Что должны сделать мальчишки, чтобы не попасть в лапы к простуде?

**МИХАИЛУ
ПАВЛОВИЧУ
КОРШУНОВУ—
60 лет!**

**РЕДАКЦИЯ
И РЕДКОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА
«МУРЗИЛКА»
ПОЗДРАВЛЯЮТ
ЮБИЛЯРА!**

Д

и Катя предупреждаем: не связывайтесь с нашим братом Севкой. Он хитрец и выдумщик. С ним наплачешься. Дедушка говорит, что Севка замешан на потехе.

Да. Для кого потеха, а для меня и Кати совсем наоборот — одни огорчения. Только успевай следить за Севкой, а то непременно в чём-нибудь обхитрит или придумает весёлую затею, от которой ему одному весело.

Запомните, как выглядит Севка, чтобы сразу узнать и спастись от хитростей. Весь он разноцветный: штаны сине-зелёные, а куртка зелёно-синяя, нос и щёки в рыжих точках, будто сквозь сито на Севку что-то рыжее сыпали, башмаки коричневые, а шнурки в них почему-то белые.

Недавно у соседских ребят вот что произошло, и всё из-за Севки.

Толя и Гога — братья. Толя — старший брат, Гога — младший.

Братья остались дома одни и затеяли борьбу. Стукнулись головами. Толе ничего, а Гога набил шишку.

Толя испугался: теперь мать догадается про борьбу и рассердится. Когда они борются, всегда что-нибудь случается. Ваза со стола упадёт, занавески оборвутся или вдруг все стулья опрокинутся. Вот мама и сердится.

И начали братья думать, как шишку вывести. А она очень большая и прямо посередине головы вспухла.

Прикладывали к ней медный таз для варенья, лили из чайника холодную воду. Толя пытался приложить даже ступку, тоже медную, но Гога заупрямился и от ступки отказался. Тогда помазали йодом. Но шишка не прошла.

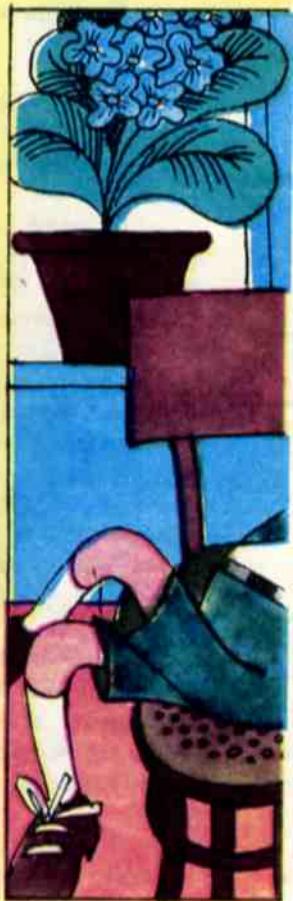
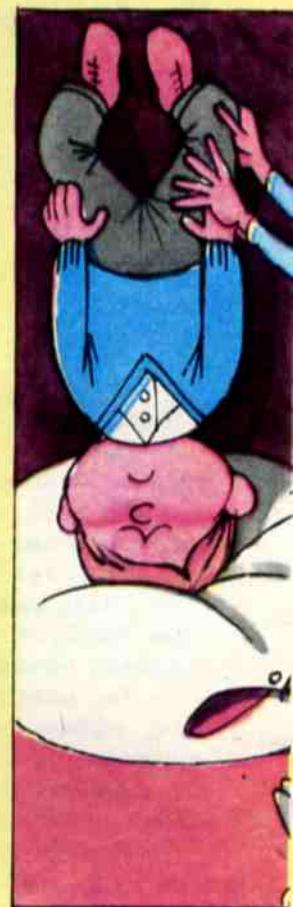
Братья призадумались. А Севка тут как тут. Поглядел на Гого и сказал:

— Надо его к стенке приставить вниз головой.

— Для чего? — удивился Толя.

— Шишка обратно в голову вдавится.

— Сам такое придумал? — недоверчиво спросил Толя.

ВОТ ОН-
СЕВКА
ЛУСАНОВ

Михаил
КОРШУНОВ

— Зачем сам? Дедушка сказал, — не сморгнув, сочинил Севка. — Он видел, как вы с тазом бегали. Только постоять на голове надо подольше.

Братья взяли подушку, чтобы было мягко стоять, и положили её на пол у стены. Гога уткнулся в подушку головой, а Толя ухватил его за ноги и приставил к стене.

Стоит Гога на подушке вниз головой. Руки растопырил, о стенку держится. Толя нагибается, спрашивает у него:

— Ну как? Вдавливается?

А Гога ничего ответить не может. Красный, пытит. Ногами стенку корябает, чтобы не упасть.

И Севка тоже красный. От смеха, конечно. Даже рыжие точки на носу куда-то подевались. Так ему смешно, и такой он красный.

У Севки всегда и на всё готов ответ.

Жили мы летом в пионерском лагере — я, Катя и Севка.

На вечерней линейке старшая пионервожатая говорит:

— Сегодня три человека влезли в окно пионерской комнаты. Двери для них, очевидно, не существуют. Кто были эти трое? Пусть наберутся мужества и сделают шаг вперёд.

Двое набрались мужества и сделали шаг вперёд.

— Кто третий? — спрашивает вожатая и пристально смотрит на Севку.

Мне Севку в строю не видно. Только его коричневые башмаки видны с белыми шнурками. Сейчас, думаю, Севкины башмаки сдвинутся с места. Он сделает шаг вперёд и признается.

Но Севкины башмаки стоят и не сдвигаются с места.

— Всеволод Гусаков! — не выдерживает пионервожатая. — Ведь третьим,

кто влез в окно, был ты! Почему не выходишь из строя? Мужества не хватает?

— У меня мужества хватает.

— А в чём же дело?

— А я не влез. Я вылез.

2

Севка мастер давать клятвы — глаза закрывает, наморщится весь, вроде он серьёзный стал и совсем не хитрый, и скажет:

— Если я ещё раз съем начинку из твоей или Катинной ватрушки, то в наказание обязуюсь съесть метёлку.

Не верьте! Ни за что не верьте Севкиным клятвам про метёлку.

Метёлка у нас в кухне всегда целая-целёхонька, а вот у меня и у Кати он недавно съел — только не творог из ватрушек...

Наварила мама манной каши с вишневым вареньем и цукатами.

Мы все любим такую жидкую манную кашу, потому что она и на кашу не похожа, когда ещё с вареньем перемешана и с цукатами.

Мама сказала:

— Принесите свои тарелки и поделите кашу.

Я и Катя принесли свои тарелки, хотели поделить кашу, а Севка не пошёл за своей.

Сказал:

— Вовсе даже ни к чему лишние тарелки пачкать, чтобы кашу съесть. Бегай потом на кухню, мой их да вытирай.

Это мама завела порядок, что каждый должен сам за собой мыть посуду.

— А как же кашу съесть, чтобы лишние тарелки не пачкать? — спросила Катя.

— Прямо из одной, — предложил Севка. — Все сразу.

— Все сразу — не хочу, — отказалась Катя. — Ты нас объешь!

И я тоже не согласилась: Севка хитрый — мигом объест.

— Ну, не хотите все сразу, давайте по очереди. Я чуточку отмерю и съем. У меня сегодня что-то аппетит плохой.

Катя меня в бок толкает.

— Если чуточку, то пускай ест.

— Хорошо, — сказала я. — Мы согласны. А как ты отмеришь?

— Очень просто. Будете свою кашу держать ложками.

Мне даже интересно сделалось.

Севка начертил ложкой на каше коротенькую полоску.

— Здесь и держите, где полоска. Здесь ваша каша кончается, а моя начинается. Видите, у меня каши всего на три глотка.

Я и Катя окунули ложки в кашу, где полоска, и начали держать.

Держим, а Севка ест. Косточки из вишен выплёвывает. Цукаты жуёт.

Быстро ест Севка, косточек всё больше и больше становится.

Я смотрю, Севкина каша маленькая была, на три глотка, а он её ест, и она не кончается. Зато наша каша в тарелке прогнулась.

А Севка не останавливается. Ест. Говорит только, чтобы мы свою кашу крепче держали.

Мы держим, стараемся. А каша совсем прогнулась.

— Объял нас! Каши не осталось!

Так оно и было. Вместо каши на дне тарелки лежала тоненькая манная корочка с бугорками: это сквозь корочку торчали последние вишни и цукаты.

3

Ребятам нашей квартиры — мне, Кате, Севке, Толе и Гоге — поручено убирать коридор: подметать полы, натирать суконкой, стряхивать пыль с чемоданов, которые сложены на шкафах.

Прежде мы коридор убирали друг за другом по расписанию.

Севка предложил убирать сообща.

— Так быстрее.

Катя Севку спрашивала:

— А сам будешь сообщать?

— Конечно!

Мы все подумали и согласились.

— Катька, возьми тряпку, — тут же начал распоряжаться Севка, — встань на стул и протри чемоданы. А ты, — повернулся он ко мне, — подметай пол. А мы будем натирать. Эй, команда! Шевелись, поспевай!

Катя обмахивала пыль с чемоданов. Я подметала пол той самой метёлкой, которую Севка давным-давно должен был съесть. А Толя, Гога и Севка готовились, чтобы натирать.

— Гога, тащи ковёр, что у дверей! — сказал Севка.

Гога притащил ковёр.

— Я на него сяду для тяжести, а вы меня будете возить. Полы сразу заблестят.

— Нет, я! — заявил Гога. — Я сяду!

— Тебе нельзя. Ты лёгкая тяжесть. Блеска не получится. Я же знаю!

И Севка уселся на ковёр. А Толя и Гога начали его возить по коридору, натирать полы.

Когда уборку кончили, мы спохватились: во всей затее убирать сообща Севка ничего не делал, а только кричал, руководил да ездил на ковре как «тяжёлая тяжесть». Опять всех надул.

С тех пор я, Катя, Толя и Гога — мы объединились. Мы все следим за Севкой, чтобы положить конец его хитростям.

Теперь и вам известно, кто такой Севка Гусаков. Не связывайтесь с ним, а то наплачетесь...

КАК МОРЕ УКРОТИЛИ

Юрий МОГУТИН

СТОЯТЬ ТУТ ГОРОДУ ВЕКА

Весь этот край при впадении реки Невы в Финский залив издавна считался гиблым, топким, малопригодным для житья. Об этом и сейчас ещё напоминают названия некоторых улиц Ленинграда: Болотная, Боровая, Торфяная... Но раз уж этот край наш, надо его обживать. И защищать. А защищать его было от кого. Врагов у Руси всегда хватало. Как к себе домой, повадились на берега Невы шведские короли со своим войском. Они отняли выходы к морю. Без малого сто лет пробыл этот край в шведской оккупации.

Конец этому положил энергичный и дальновидный правитель Пётр I. Прогнав шведов, он заложил в устье Невы город-крепость. Со всех сторон России потянулись туда мастера. На болотистых берегах Невы возводили они бастионы — от врагов молодой город защищать, дома — корабелям и воинам жить, дворцы для царя и знати. Через мелководную Невскую губу прорыли каналы — корабли из Невы в Балтику выводить. В Финском заливе, на подступах к Петербургу, насыпали цепь каменных островков — фортов. На островках пушки: неприятельские суда встречать.

Ещё ни разу неприятель не вступал в город на Неве.

И всё-таки есть у Ленинграда враг, против которого бессильны все бастионы. Враг этот появляется с моря чуть не ежегодно, нанося городу большой урон.

Этот враг — наводнение.

БЕДА ПРИХОДИТ ИЗ ПУЧИНЫ

Бедой случилась вскоре после закладки новой столицы — в ночь на 31 августа 1703 года. Внезапно вода залила лагерь петровских войск.

Следующее сильное наводнение город на Неве пережил, когда ему не было ещё и четырёх лет.

Так и повелось: люди строили на побережье город, а море врвалось на его улицы и разрушало постройки. Строили годами — море крушило в считанные часы. За всю историю Петербурга — Ленинграда море вторгалось в него 253 раза!

Ты можешь спросить: что же, петербуржцы не пытались защищаться от наводнений?

Пытаться-то пытались. И разные способы защиты предлагали. Но все эти проекты (по-тогдашнему «прожект») были наивными и вряд ли защитили бы город от стихии. Например, предлагали по всей береговой линии построить солдатские казармы. Чтобы казармами от наводнений отгородиться.

Инженеры тогда ещё туманно представляли себе, какой она должна быть, эта защита. Потому что не совсем ясна была природа наводнений. Виновницей их считали Неву. И никто не догадывался, что Нева не сама по себе выходит из берегов. Её переполняет «длинная волна», нагоняемая в Невскую губу Балтикой.

Со временем у людей прибавлялись знания о море и причинах наводнений. Теперь они знали, что от набегов моря нужно загородить город плотиной.

Только городу от этих знаний легче не стало. Ведь, кроме знаний, нужна ещё и техника, чтобы огромную плотину построить. А техника в те времена была лопата да тачка. Вот и вся техника.

Только в наше время людям по силам такая стройка. Ведь у них появились могучие помощники. Ты, конечно, догадался, что это за помощники. Это машины. Вооружившись машинами, люди объявили войну наводнениям.

ПИШУ НА ДНЕ МОРСКОМ...

Эти строки я пишу на дне морском. Точнее, на дне Финского залива. Только не подумайте, что я водолаз или подводник. Водолазы недалеко от меня работают. Как и положено, в скафандрах. Изучают дно, на которое ляжет тело строящейся плотины. А я брожу по дну моря в пальто и шапке. Потому что сейчас этот участок дна отгорожен от остального залива дамбами и осушен. И на этом, отвоеванном у моря клочке суши сооружается... несколько ворот.

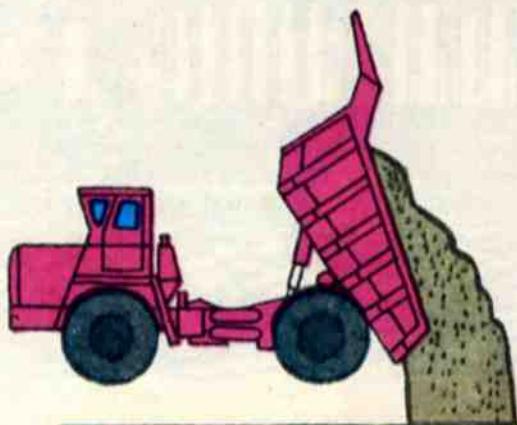
— Посреди залива? Ворота? Зачем?

— Вот те, что побольше,— корабли пропускать. Те, что поменьше,— для пропуска воды.

— Но ведь корабли и так плывут, куда хотят. И вода течёт, куда ей нравится. Разве у залива есть перегородка?

— Пока нет. Но скоро будет. Видишь насыпь? Это насыпь не простая. Это — ЗАЩИТНАЯ ДАМБА. Она будет защищать Ленинград от наводнений.

Когда море спокойно, все ворота-шлюзы в дамбе открыты. Чтоб вода текла, куда ей нравится. Чтоб плыла рыба, куда ей хо-

чается. Чтобы корабли, избороздившие пять морей и три океана, могли к Ленинграду подходить.

Но стоит в море появиться «длинной волне», как тотчас полетит сигнал с постов штормового оповещения. И ворота шлюзов наглухо закроются, заслонив Ленинград от наводнения.

ПРЕГРАДА ИЛИ ДОРОГА?

Я разговорился с шофёрами самосвалов, привёзших на дамбу гравий.

— Что строите? — спрашиваю.

— Преграду, — ответил один.

— Дорогу, — сказал другой.

— Так преграду или дорогу? — удивился я. — Что-то непонятно...

— Чего ж тут непонятного? Для наводнения эта дамба — преграда. А для людей — дорога. Сухопутная дорога из Ленинграда к острову Котлин и дальше до города Ломоносова. Это «вторая профессия» строящейся дамбы. С её постройкой остров Котлин с городом Кронштадтом на нём перестанет быть островом: садись в рейсовый автобус и езжай туда по дамбе.

Над водопропускными воротами дорога взлетит на мосты, под судопропускными нырнёт в тоннели.

Представь, что ты летишь по новенькому шестирядному шоссе. А справа и слева от тебя плещутся волны Финского залива. И морской солёный ветер освежает лицо.

Первыми дорогу через залив обновят те, кто её возводит: водители большегрузных самосвалов, машинисты экскаваторов, бульдозеристы, дорожные рабочие, бетонщики...

Недавно в одной книжке я прочел такое: «Нева выносит в Финский залив столько отложений, что город Кронштадт на острове Котлин в тридцати километрах от Ленинграда через три тысячи лет соединится с Ленинградом сушей».

Так вот, не три тысячи лет, а считанные недели остались до соединения Ленинграда с Кронштадтом сушей. Во всяком случае, строители договорились новый 1985 год отправиться встречать из Ленинграда в Кронштадт по суше.

Есть и ещё одна «профессия» у защитных сооружений — гостей принимать. На всей трассе морского щита разместятся уютные кафе, современные мотели для туристских машин и множество смотровых площадок — гостям достопримечательности показывать.

Двадцать пять километров красоты и гостеприимства!

Но всё-таки главное назначение сооружений — защищать Ленинград от наводнений. Ради этого и трудятся здесь посланцы разных краёв и республик нашей страны. Ради этого и взял шефство над этой уникальной стройкой Ленинский комсомол.

Рис. Э. БЕНЬЯМИНСОНА

Тофик МАХМУД

Переводы с азербайджанского

ГОРНЫЙ КРАЙ

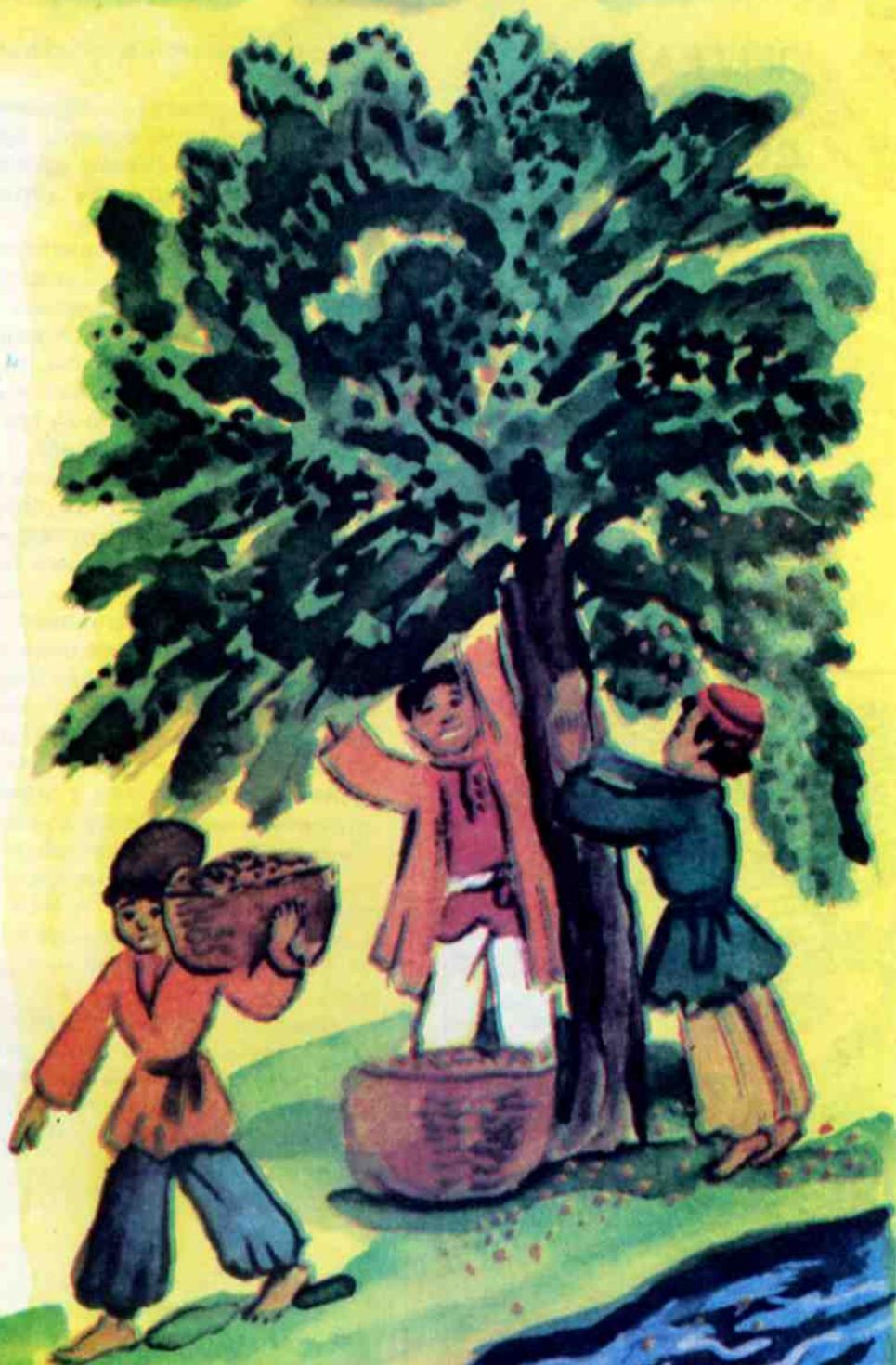
Зима приходит к нам с горы!
Всё лето в облаках
Она таится до поры
В высоких ледниках.

У нас в долине
Дождь идёт,
А там, в горах,
Всё снег и лёд.

И даже в самый жаркий зной
В горах не жарко мне:
Зима над самой головой
Сияет в вышине.

Ну а весной — оглянись!
Увидишь: в эту пору
Ручьи бегут, конечно, вниз,
Ну а зима уходит ввысь —
Карабкается в гору.

За ней подснежники
Бегут —
Не ждут,
Пока снега сойдут!

СОБИРАЕМ ОРЕХИ

Ореховое дерево
Трясут, трясут,
Трясут орехи с дерева,
В амбар несут.

Дрожат большие ветки,
И сквозь листву
Орехи шумно падают
В траву, в траву.

То, прыгнув, отлетают,
Скок-скок,
Скок-скок,
То в камень попадают,
Чок-чок,
Чок-чок,
То под листок забьются —
Найди-ка их!
А то в арык сорвутся,
Бултых,
Бултых!

Прыгай в воду, если смел,
Догоняй,
Те, что выловить сумел,
Не роняй!

Перевёл Яков АКИМ

МЕНЯЛА

Он весь день готов меняться:
То на то,
А то на то!
Он не может отказаться
От обмена
Ни за что!

Марки, фантики,
Монеты...
— Хочешь это?
Дай мне то!
Ну а я тебе зато
Это подарю
И то!

На ежа
Ужа сменял,
Ну а ёжик —
Убежал!

Он опять готов меняться!
Только и твердит о том.
Говорят, что он останется
Может в классе
Во втором!

И сказал преподаватель:
— Всяких видел я менял...
Лучше б двойки ты, приятель,
На четвёрки
Поменял!

Перевёл Андрей ЧЕРНОВ

Рис. В. ДУВИДОВА

ФРЕГАТ БОЦМАНА ГОДУНОВА

Виталий КОРЖИКОВ

Это было занятное зрелище. Почти всей командой мы шли по знойной набережной Бомбея. В порту, за пальмами, качались мачты кораблей. А над нами тоже, как мачта, покачивал русой льняной головой Годунов, самый высокий боцман во всём торговом флоте. На него оглядывались рикши, провожали глазами продавцы кокосов, заклинатели змей, а он шёл стремительным шагом и поглядывал на встречные лавочки. Боцман искал себе новые часы и хороший подарок сыну.

Подарки боцман искал не впервые. Но все они один за другим исчезали. Купил он в японском городе бумажного змея и там же запустил на радость мальчишкам к вершине старого вулкана.

Пришли на Кубу — и всю леску, купленную в Йокогаме, разматал ребятам на удочки. Зато какая рыба ловилась с причала! Мальчишки азартно кричали: «Боцман, боцман! Гранд пескадо!» И боцман соглашался: «Рыба что надо!»

А в Калькутте привёл на палубу двух ребятшек, брата и сестру, умыл, накормил, нарядил в новые рубашки.

— Ты же сыну купил! — выпячивая губы и поправляя очки, говорил наш повар Вася.

— А у меня сын пионер, — отвечал боцман, — он и сам бы поделился. — И Годунов поворачивался к стоявшей среди книг фотокарточке сына: — Правда?

Теперь боцман шагал, упираясь головой в бомбейские небеса, и отмахивался от шумных продавцов мангуст, черепах, засушенных кобр и заводных мартышек.

— Боцман, смотри — крокодил! — кричал кто-то из наших, подбрасывая в руках коричневого лакированного крокодила.

Но Годунов отстранял ладонью: «Хорош! Но не надо».

И вдруг боцман заглянул в какую-то дверку, и, протиснувшись за ним, мы словно очутились на прохладном дне океана: в тусклом подвальчике на полках розовели раковины, стояли громадные морские звёзды, топорщили иглы морские ежи... Но главное, среди них, развернув паруса, покачивался под вентилятором великолепный трёхмачтовый фрегат. Сквозь проёмы в бортах смотрели точёные пушечки, по бокам от бушприта темнели якорьки.

И боцман, протянув руку, спросил:

— Сколько стоит?

Смуглый хозяин-малаец назвал цену, и Вася охнул:

— Ого, вся зарплата! А на часы?

Но боцман взял в руки корабль, любясь, подержал его на ладони, подул в паруса. И, выложив деньги, с парусником под мышкой шагнул на улицу.

Стараясь не отстать от боцмана, Вася говорил:

— Ну уж этот-то подарочек при попутном ветерке доплывёт до Владивостока! Правда, если боцман где-нибудь его не оставит...

— Ну уж дудки! — возражал боцман. — Этот парусник только Петькин.

Но ветер выпал нам совсем не попутный. Только мы вышли в океан, налетел шторм, волны сошлись зелёными глыбами, занесли наш теплоход к небу и швырнули ко дну. Тяжёлый груз накренился, брёвна на палубе заёрзали, двинулись к борту, кто-то закричал: «Ну, всё!» Но боцман, удерживая брёвна ломом, изо всех сил крикнул:

— Крепи тросы!

Мы работали по колено в бурлящей воде, подтягивали тросы, вязали прочней узлы, а мимо нас то где-то высоко вверху, то в падающей зелёной бездне проносились суда. Всё ревело, ухало, громыхало... И когда мы наконец вышли на чистую воду, боцман, утираясь рукавом, сказал:

— Ну, кажется, выбрались!

А в каюте боцмана всё было вверх дном: подушка в раковине, туфли и костюм — будто собрались бежать — у порога... А фрегат, прекрасный фрегат лежал у стола, развалившись пополам, и бамбуковые шпангоуты торчали наружу.

— Вот тебе и доплыли, — сказал Вася, потирая ушибленную сковородой скулу. — Тут без мастера теперь не обойтись.

А боцман промолчал. Он смотрел на парусник так, словно хоть и огорчился, но не очень. Однако согласился: «Без мастера не обойтись, это точно!»

А через пару дней, разыскав у плотника куски бамбука и клей, Годунов устроился с фрегатом на палубе под окнами камбуза. И пока шли мы через Индийский океан, всё свободное время резал бамбук на планки, наждачил их, связывал и клеил. И мы радовались: фрегат не только оживал, он становился больше, выше, стройнее...

Иногда в окошко посмотреть на работу друга выглядывал Вася, и тогда по палубе расплывался поджаристый дух сухарей, которые он сушил, точно зная, что охотники похрустеть найдутся не только на палубе, но и в любом порту.

Как-то, когда Васин колпак появился в окне, боцман сказал:

— Смотришь? А лучше бы сухариком угостил. За работу!

Он встал, поднял над собой фрегат, и Вася вскрикнул:

— Гляди-ка, живёт! Честное слово, живёт! Этот-то точно доберётся до Петьки.

— Вот подсохнет, — сказал боцман, прилаживая корабль возле спасательного бота, — и доберётся. — И он посмотрел вдаль, будто представил, как они с Петькой пойдут на виду

всего города берегом залива и поведут фрегат по синей воде.

Теперь что ни день мы драили палубу. Боцман обдавал её из брандспойта настоящей радугой. А сверху на нас, на игры дельфинов, на полёт летучих рыб смотрел всеми парусами красавец фрегат, набираясь запахов океана, ветра и птичьих криков.

Шли мы к Сингапуру, но по дороге должны были забежать на один тропический остров, пополнить запас воды. Танки под воду были подготовлены, и, отдыхая, мы с боцманом смотрели, как уже появляются из-за горизонта крохотные верхушки пальм.

— Маленькие. Наш боцман повыше! — шутил Вася.

Но остров приближался, пальмы становились всё выше, боцман — ниже. Вода за бортом помутнела, из тёмной глубины джунглей к нам по реке поплыли кокосовые орехи, черепахи, вынырнула и скрылась чья-то бугристая сильная спина.

И только мы стали на якорь, к одному борту подошла баржа с водой, а к другому от берега из маленькой деревушки полетела лёгкая лодчонка, в которой гребли веслом по очереди три мальчугана.

Справа, догоняя лодку, подпрыгивал красивый катер, на носу которого, по-хозяйски выставив ногу, стоял невысокий чиновник в шортах, с портфелем под мышкой и махал рукой.

— Ко мне, — улыбнулся Вася.

— За сухариками? — спросил боцман.

— Точно. И детвора и мужик. Хороший мужик, весёлый. Я ему в прошлый раз полный портфель сухарей насыпал. Им сухари что нам бананы. Деликатес!

— У тебя все хорошие, добрые, — рассмеялся боцман и вдруг резко выпрямился.

Обходя лодчонку, катер рыскнул, подвернул так, что лодка подпрыгнула, запрокинулась, выбросила ребят в воду. А катер развернулся и лихо подрулил к нашему трапу.

Мальчишки барахтались в воде, они захлёбывались и хватались за борт лодчонки, а улыбающийся чиновник бежал уже к нам по ступенькам трапа, на ходу распахивая огромный портфель.

Он бежал вверх, боцман вниз. Став на колени, Годунов одного за другим вытаскивал мальчишек на трап. Прижимаясь друг к другу, они испуганно смотрели наверх, но боцман подтолкнул: «Смелей, смелей!» С драных маек, с чёрных волос тоненьких островитян сбегала вода, и на ступенях оставались мокрые следы.

Возле чиновника мальчишки отпрянули в сторону, а боцман процедил:

— Хороший мужик! Очень хороший! За сухарь утопит.

Вася, стоявший уже с кулём сухарей, заморгал:

— Так он нечаянно...

— Нечаянно, — усмехнулся боцман. — То-то бегемота своего распахнул! — И вдруг, резко повернувшись к коку, спросил: — Что это у тебя?

— Сухарики, — ответил тот.

— А пряников не найдётся?

Через минуту Вася выбежал с тарелкой пряников.

— А конфет не было? — посмотрел на него боцман. Но Вася и сам, достав из кармана куртки, уже протягивал ребятам горсть карамели. И мы, команда, несли кто что мог и протягивали им свои подарки. Но мальчики всё ещё ёжились и хмуро посматривали туда, где уверенно стоял

чиновник с распахнутым по-прежнему портфелем.

Боцман окинул взглядом ребят:

— Что приуныли? — Потом повернулся к чиновнику, шагнув к нему, с жёсткой усмешкой посмотрел в глаза, покачал укоризненно головой, будто выложил всё, что думал. И, неожиданно взяв у Васи куль с сухарями, презрительно протолкнул его в портфель: — Возьми!

А нам сказал:

— Сухарики ему понадобились! Мало! Унищего отберёт! А не дашь отобрать — обидится...

Чиновник понял, пристыженно замигал. А мальчики сразу выпрямились, повеселели, за-

лопотали. И вдруг разом огромными от удивления глазами уставились в одну точку. Там, за камбузом, солнце наливало золотом паруса удивительного фрегата...

Уже мы сворачивали шланги, уже затягивали брезентом трюм, а ребята всё хлопотали над фрегатом, приседали, елозили вокруг на четвереньках, забыв о всех своих бедах и неприятностях. И боцман окидывал их сверху грустной доброй улыбкой...

— Ты смотри, как понравился, — сказал Вася. — Видно, такого никогда в руках не держали...

— А что они там вообще хорошего держали в руках? — кивнул боцман на бедную деревеньку.

— Так, может, отдадим? — улыбнулся Вася.

— А Петька?! — возразил боцман и посмотрел вдаль, будто снова где-то за горизонтом увидел родной порт, бухту и берег, вдоль которого с фрегатом на бечеве шлёпал во воде его босоногий Петька... — Это Петькин, — сказал он.

Но тут прозвучало привычное:

— Боцман, на бак!

Годунов встал:

— Пора!

И лица мальчиков сразу потускнели, сникли. Они посмотрели на фрегат так, будто с ним должно было сейчас исчезнуть всё хорошее — и добрая палуба, и приветливые моряки, а напротив оставался только нагловатый чиновник, который тоже смотрел то на фрегат, то на боцмана и ухмылялся, будто говорил: «Ну вот и всё. Им сейчас — в одну сторону, а вам с вашим корабликом — в другую. Не расщедритесь...»

И тут, окинув чиновника с ног до головы весёлым взглядом, Годунов хлопнул ребят по плечам, чему-то улыбнулся, подмигнул и шагнул к фрегату.

— Боцман, ты что, что ты? — прошептал Вася. — А Петька?

Но боцман, вскинув голову, пожал плечом:

— А что, Петька — не пионер? — И подмигнул повару: — Неужто ещё не купим?

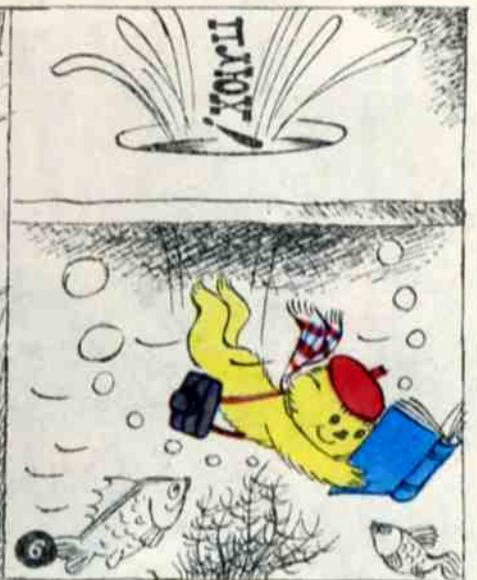
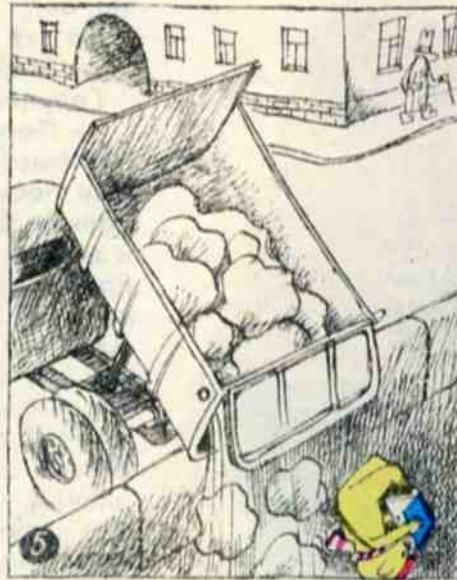
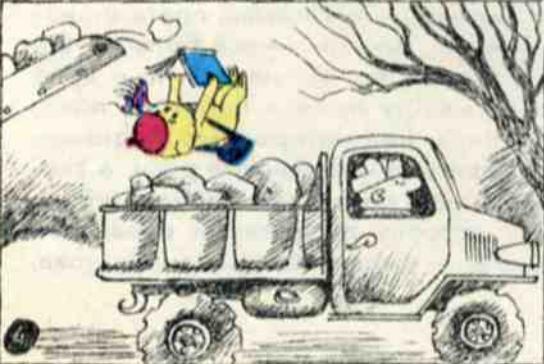
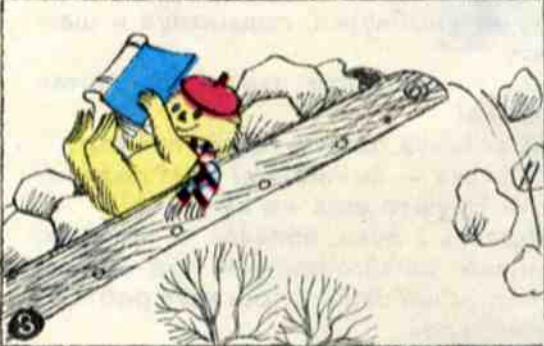
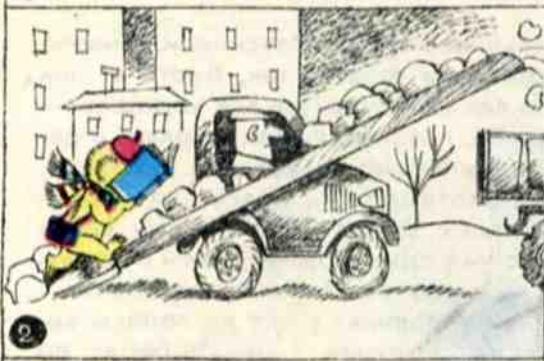
Он взял корабль в руки, покачал на ладонях, осмотрел днище, шпангоуты — и под ошарашенным взглядом чиновника протянул ребятам невиданный подарок.

Через час мы уходили. Пальмы опять становились всё меньше, боцман — всё больше. Он стоял у борта и смотрел, как нехотя, то и дело останавливаясь между нами и берегом, покачивалась лодчонка, над которой всё поднимались и поднимались три тоненькие руки, а следом за ней, весело расправив паруса, шёл к тропическому острову по вольной океанской воде его фрегат — фрегат боцмана Годунова.

Рис. Н. УСТИНОВА

ИЗ «МУРЗИЛКИ»
ПРЕЖНИХ ЛЕТ

Рис. В. ЧИЖИКОВА

САЛЮТ, МИР!

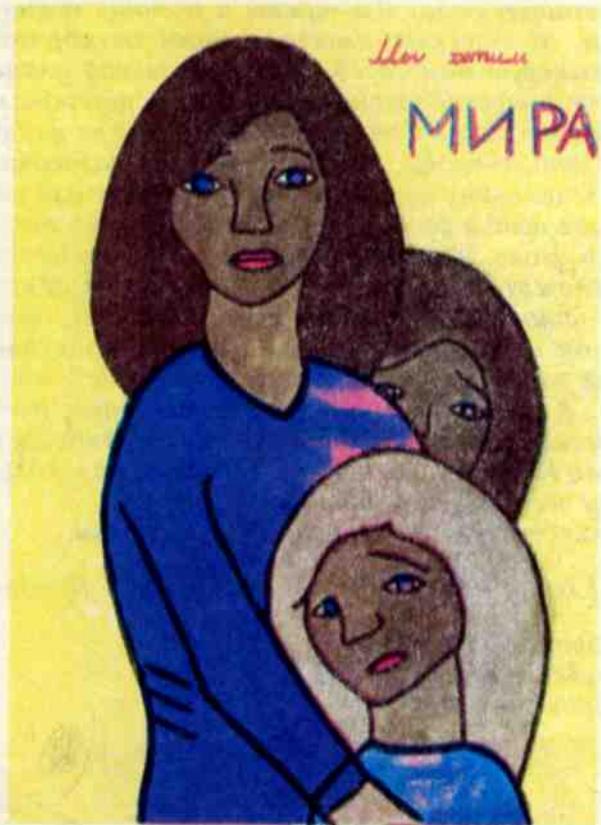

Рис. Ярмилы ЧЕРНА, ЧССР

Минувшим летом на Украине, в городе Черкассы, собрался III Всесоюзный слёт тимуровцев. Ребята прошли тропами, где героически сражались и погибли писатель-воин Аркадий Петрович Гайдар. Пионеры рассказали о том, как берегут тимуровские традиции, как передают их октябрятам и как все вместе готовятся встретить 40-летие Победы.

Во время войны в Северодвинске был госпиталь. Не всех раненых удалось спасти, многие умерли от ран и похоронены в нашем городе. Мы ухаживаем за могилами павших воинов. В память о них ребята посадили рябиновую аллею. А недавно мы посадили там ещё сорок молоденьких рябинок. Получился целый сад Памяти в честь 40-летия Победы. Пусть наши рябинки как факелы горят.

А ещё октябрята открыли в школе тимуровский киоск. Там можно купить открытки, тет-

ради, марки, конверты. За эту работу почтовое отделение начисляет деньги, на которые октябрята собираются купить магнитофон. На магнитную ленту они запишут рассказы ветеранов.

Лена ДРУЖИНСКАЯ, школа № 18
г. Северодвинска Архангельской области

Наша школа носит имя комбрига 3-й Ленинградской партизанской бригады Александра Викторовича Германа. Он воевал под Псковом и погиб у села Житница. Вблизи школы живёт много бывших бойцов этой бригады. Сейчас все они старые люди. Им нужны и помощь и внимание. И повсюду вместе с нами октябрята. Например, в дом № 12 по Стахановской улице вместе с шестиклассниками ходит к ветеранам и первоклассник Олег Захаров. Он ещё не учился в школе, когда стал тимуровским разведчиком. Олег очень шустрый, он всё успевает узнать раньше всех и сообщить команде: кому из ветеранов уголь привезли или дрова. Ведь надо всё это сложить в сарай. И тогда за дело берёмся мы — пионеры. А познакомились мы с Олегом так: он играл в песочнице, и к нему пристали какие-то мальчишки из любителей обидеть слабого. А мы заступились за Олега, потом подружился с ним. В команде у нас и октябрёнок Алёша Карасёв. Он, как только пришёл в школу, сразу же стал тимуровцем.

Октябрята — наши первые помощники.

Алёша ФЁДОРОВ, школа № 18 г. Пскова

Ни одной бомбы миру!

Рис. Лены КОЛОМЕЕЦ, г. Амурск
Хабаровского края

ФЕСТИВАЛЬ—

ПРАЗДНИК

ОКТАБРЯТ

Фестиваль означает «праздник», «празднество». Бывают фестивали музыки, песни, театра, кино.

Фестиваль молодёжи и студентов — это праздник молодых борцов за мир и дружбу, против империализма. Праздник рабочих, хлеборобов, учёных, мастеров искусств, спортсменов. Вот уже 37 лет под знамёна Всемирных фестивалей становится каждый, кто честен, кто своим трудом, борьбой, словом, песней стремится преградить дорогу войне, отстоять мир на Земле. Это не только взрослые, но и дети.

Сначала ребята просто помогали фестивальному движению. Они собирали подписи в защиту борцов за свободу, денежные средства для молодых антифашистов. Рисовали плакаты, писали лозунги.

Но потом дети стали тоже участвовать в фестивалях. Впервые это произошло в 1957 году. Столица нашей Родины Москва тепло принимала гостей и делегатов VI Всемирного фестиваля. Когда к перронам московских вокзалов подходили поезда, а в аэропортах приземлялись самолёты, на советскую землю вместе со старшими братьями и сёстрами вступали и дети.

На IX фестивале в Софии в 1968 году открылся международный детский лагерь. Под ласковым солнцем Болгарии дети отдыхали, пели, плясали, состязались в спорте. Но самое главное было в другом. В те годы шла война во Вьетнаме, и дети всей Земли старались помочь своим далёким ровесникам. Посылали лекарственные травы, тетради, учебники. На фестивале дети многих стран и народов устроили манифестацию против американских захватчиков. Из Болгарии во Вьетнам был отправлен необычный подарок — автобус и машина «скорой помощи» в знак дружбы и солидарности с юными вьетнамцами.

На X Всемирном в Берлине впервые в истории фестивалей в праздничных колоннах шагали дети и подростки. Они приехали в столицу Германской Демократической Республики из 46 стран. Работал клуб «Друзья детей», где взрослые горячо обсуждали, что нужно сделать, чтобы дети всей Земли росли под мирным небом, были здоровыми, могли учиться. В детской программе участвовали тысячи пионеров-гемановцев.

Будущий XII Всемирный фестиваль 1985 года в Москве принимает эстафету от фестиваля гаванского. Тот, кому довелось побывать на Кубе в дни XI фестиваля, навсегда запомнит смуглых мальчишек и девчонок в красных бе-

ретах и пионерских галстуках, маленьких гостеприимных хозяев острова Свободы. Все дети Гаваны и её окрестностей, весь многотысячный пионерский лагерь имени славного героя Кубы Хосе Марти встречали дорогих гостей. Незабываемым событием стал детский праздник «Пусть всегда будет солнце». На митингах солидарности, в конкурсах юных художников, певцов, танцоров, в весёлых карнавальных шествиях — всюду были дети. И если в 57-м году в Москве это были посланцы 23 стран мира, то теперь уже они прибыли из 48.

Фестивали стали не только для молодёжи, но и для ребят настоящими праздниками братства, школой дружбы и солидарности. «Дети Страны Советов — участникам фестиваля» — так сегодня звучит призыв комсомола. А это значит, что и твоя октябрятская звёздочка может сделать к этому событию что-то доброе и нужное: вырастить цветы, смастерить сувенир, нарисовать плакат, потрудиться вместе с пионерами в Фонд фестиваля. Ведь это и твой праздник, дорогой октябрёнок!

*В. ФАРТЫШЕВ,
главный редактор журнала
«Вестник фестиваля»*

Иллюстрация Оксаны СУБАРЬ, г. Томск

На берегу извилистой речки Вирмы, на Кольском полуострове, живёт маленький северный народ — саамы. Их всего две тысячи человек. Если перевести название реки на русский язык, сразу станет ясно, каким трудом издавна занимались саамы. Вирма — значит «рыболовная сеть». Догадались, как саамы добывали себе пропитание? А ещё они ходили в лес, где обитал всякий навдь, на охоту. Теперь попробуйте перевести слово «навдь» на русский. Получилось?

Саамы очень любят поэзию. Рыбаки на лодках, охотники у костра, оленеводы у стада с незапамятных времён собирались и пели свои песни — йойки. Только записать их саамы не могли, потому что письменности не знали. А теперь появился у них алфавит, и саамские дети учатся в школе на своём родном языке, и песни поют, и стихи учат. Детский поэт Екатерина Николаевна Коркина пишет стихи на саамском языке. Прочитайте их в переводе на русский.

Екатерина Коркина

СНЕГОВИК

Выпал снег.
Зима кругом.
Я катаю
Снежный ком.
Ком на ком
И сверху ком.
Станет снег
Снеговиком.
Рот, и нос, и две руки,
И глазёнки-угольки...
Снеговик взаправдашний!

ПО ГРИБЫ!

Мы корзинки возьмём,
В дальний лес пойдём
И грибов на суп наберём.
Если нет грибов в лесу —
Я морошки принесу!

У какой норки
кошка поймает
мышку?

Рис. О. БАРВЕНКО, Е. ВИНОВАРОВОЙ,
Л. ДОРОФЕЕВОЙ, Е. СОКОЛОВОЙ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ ИЗДАЕТСЯ
С МАЯ 1924 ГОДА

Главный редактор
А. ШЕВЕЛЕВ

Редколлегия:
Я. АКИМ,
С. АЛЕКСЕЕВ,
Т. АНДРОСЕНКО,
Г. ВИЕРУ,
Н. ЕМЕЛЬЯНОВА,
И. ЗАРАХОВИЧ
(зам. главного
редактора),
М. КОРШУНОВ,
В. ЛОСИН,
Г. МАКАВБЕВА,
В. МАТВЕЕВ,
А. МИТЯЕВ,
К. ОРЛОВА
(ответственный секретарь),
Е. РАЧЕВ,
В. ЧИЖИКОВ

Редактор отдела
художественного
оформления
В. ШЛЯНДИН

Технический
редактор
О. БОЙКО

Сдано в набор
11.09.84.
Подписано в печать
03.10.84.
Формат 84×108¹/₁₆.
Печать офсетная.
Условн. печ. л. 3,36.
Усл. кр.-отт. 13,4.
Уч.-изд. л. 4
Тираж 5 700 000 экз.
Цена 15 коп.
Заказ 1514.

Адрес редакции
журнала «Мурзилка»:
125015, Москва,
Новодмитровская ул.,
д. 5а.
Телефон 285-18-81

Издательство
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»

Типография орде
Трудового Красн
Знамени изд-ва
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвард
103030, Москва
ГСП-4, Суцёв

Макет
А. ЩЕРБА

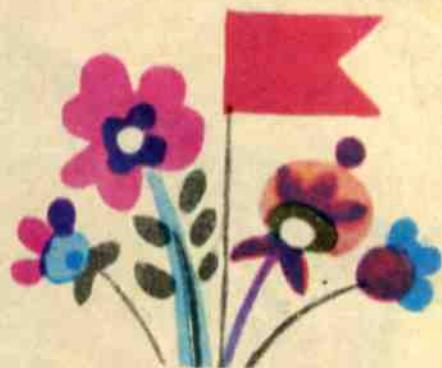
Рисунки
Ю. МГ

Помоги машине
проехать
на стоянку.

КАПЕЛЬКА СОЛНЦА

С движением. Загорю тр

По-ма-ет-ся

льдинок хрустяща-я кро-ма, ве-

сен-ний вол-ну-ет-ся оквер.

Вче-ра е-ще толь-ко я

ыл ок-тя-рен-ком, се-год-ня уже пи-о-

mf

-нер, з се-годня уже пи-о-нер. Го-

-рит у меня пи-о-нерский значок, он капелька солнца, ве-

сеннего солнца, ко-то-ро-е Ле-нин зо-

-жет.

Ле-нин за-жет! Ко-то-ро-е

Ле-нин за-жет!

ISSN 0132—1943

Цена 15 коп.